

На сцене Федор Шаляпин

одного из соратников Шаляпина в деле утверждения мирового престижа русской музыкальной культуры — представляется мне в высшей степени целесообразным и желательным. Рецензируемая рукопись содержит немало ценных и интересных материалов...

В то же время отчетливо ощущается, что автор далеко не исчерпал темы данной работы, располагая, по-видимому, значительно большим количеством материалов... После доработки труда его можно рекомендовать к опубликованию в одном из очередных томов «Театрального альманаха».

ЗАКОНЧИТЬ доработку рукописи Михаил Осипович не успел. После его смерти в течение одиннадцати лет она пролежала никем не тронутой в письменном столе родственницы ди-

рижера, проживающей и сейчас в Новосибирске. Помимо рукописи, здесь были редкие фотографии, письма, театральные афиши спектаклей, в которых участвовал Федор Иванович Шаляпин.

ДЕСЯТКИ страниц рукописи читаются с захватывающим интересом. Большое внимание в ней уделено

отношений Шаляпина с дирижерами. Автор называет их «гражданской войной». В то время Шаляпин часто обращался к Штейману с вопросом: как перекроить оперу «Русалка», чтобы мельник играл более активную роль в финале? Ему очень хотелось, чтобы трагический образ завершился значительней концовку оперы.

«Взгляните, Михаил Осипович, — обратился он ко мне, — пишет в своих записях Штейман, — первый акт и есть законченная пьеса. Дальше, если что и важно, то это не свадьба князя, а трагизм потерявшего душевное равновесие мельника. Нельзя ли что-нибудь изменить? Правда, Даргомыжского пересочинять недопустимо, но, может быть, не очень грешно будет переставить музыку увертюры на финал? Творческое воображение подсаживает иное завершение погибающего мельника. Здесь автором что-то недоработано».

Видя мое замешательство и нерешительность, Федор Иванович сказал: — Жаль, что автора нет в живых.

На одной из последних оркестровых репетиций «Русалки», в конце первого действия, после гениальной шаляпинской паузы, при которой все живое на сцене и в публике не дышит, артист с предельной теплотой

поет: «Стыдилась бы... хоть при народе... так упрекать отца родного». Потом вдруг прекратил пение, несколько минут помолчал и обратился ко мне:

— Что-то не так у автора. Давно я ощущаю здесь какую-то неловкость. Каждая фраза кончается последним слогом на первой четверти следующего такта, где в оркестре четверть паузы. Затем следует изумительная оркестровая фраза. Нельзя ли мне спеть сначала фразу, а затем сделать «раз» на паузе после слова, отчего получается лишняя пятая четверть такта?

Систематические предложения по ревизии творчества Даргомыжского раздражали меня. Атмосфера накалилась. Я разнервничался. Разгорелся конфликт. Заявив, что дирижировать при такой ситуации не буду, я ушел с репетиции.

Шаляпин со своей стороны заявил, что петь не станет, коли его ограничивают в исполнительском творчестве. Занятия прервались. Все разошлись по домам.

Директор оперы А. Церетелли убеждал не срывать спектакля и дать на следующий день генеральную репетицию, на которую была приглашена вся парижская и иностранная пресса. Он доказывал, что постановка стоит 600 тысяч франков. Я согласился вернуться в театр при условии, если Ф. Шаляпин извинится публично на двух языках — по-русски и французски, так как труппа была русской, а оркестр французский. Федор Иванович дома понял свою ошибку. Ведь такие творческие изменения нужно делать дома с дирижером и с соответствующим тактом и осторожностью. Он принял мои условия и, приехав на генеральную репетицию, произнес перед оркестром извинения. Французы устроили нам общую овацию. Репетиция прошла в теплой, дружеской атмосфере.

Но когда мы подошли в первом акте снова к этой фразе, весь оркестр, подняв смычки, вопросительно смотрел на меня. И я вдруг безотчетно сделал ту самую пятую четверть, которую так просил певец».

ЭТА СТРАНИЦА из воспоминаний дирижера еще раз подтверждает, что связь великого певца с руководителем оркестра могла нарушиться в любое время по вине Шаляпина. Федор Иванович за время пребывания за границей порвал всякие отношения со всеми лучшими русскими дирижерами в Европе: С. Кусевичким, Э. Купером, А. Коутсом. Почему же М. Штейман сумел проработать с ним в течение пяти лет спектакль за спектаклем? Может быть, он часто уступал наприказ певца? Может быть, он не считался со своей совестью и совестью дирижера?

Ответ на этот вопрос дают рукописи профессора Штеймана. Несмотря на все трудности работы с певцом, Михаил Осипович постоянно проводит одну и ту же мысль, что Федор Иванович был подлинным мастером сцены. Он умел

на сцене уничтожать себя, как реальную личность, уходя полностью в изображаемый образ и перенося зрителя в различные исторические эпохи.

«Поэт Гете был музыкантом в поэзии. Музыкант Бетховен был поэтом в музыке. Артист Шаляпин был музыкантом и поэтом в музыкальной драме. Музыка, поэзия, скульптура и живопись слились воедино во время его артистического творчества», — такими словами заканчивает свои воспоминания Штейман.

В настоящее время рукопись Михаила Осиповича изучается. И, очевидно, скоро будет подготовлена к изданию.

Э. ТРУФАКИН.

На снимках: фотография 1930 года, подаренная в Париже Ф. И. Шаляпиным М. О. Штейману. В центре: М. О. Штейман. На нижнем снимке: программы и афиши Шаляпина 1929-33 гг.

Париж. 1930 год. По улицам и площадям французской столицы порывистый ветер гонит опавшие желтые листья. Прохожие ежатся, кутаясь в накидки и плащи, торопливо перебегают с тротуара на тротуар. Они торопятся и даже не обращают внимания на эту новинку, только что выпущенную автомашину марки «Фиат». О! В другое время возле нее собралось бы немало зевак. Но сегодня так холодно и сыро, что мерзнуть под мелким дождем никому не хочется.

Но что это? По какому поводу на перекрестке у щита ярких афиш толпа? Что могло остановить парижан?

— Господа! Поэт Шаляпин! Читайте!

«Русская опера в Париже. Второй сезон. Театр на Елисейских полях. 15 ноября — премьера оперы Бородина «Князь Игорь» с участием Федора Шаляпина».

СТЕХ ПОР ушли десятилетия. Но в архивах и театральных музеях бережно хранятся афиши с именем великого русского певца. Шаляпин — наша национальная гордость. И каждый новый документ, рассказывающий о нем, крайне ценен. Вот почему нам представляется интересным познакомить наших читателей с недавно обнаруженными в Новосибирске материалами о Федоре Ивановиче Шаляпине.

ДА С пожелтевших афиш еще не стерлись памятные даты и имена. Вот Михаил Осипович Штейман, дирижер с европейским именем, ученик Римского-Корсакова, Глазунова, Черепнина. На стене Ленинградской консерватории и сейчас можно прочитать фамилию этого первого лауреата дирижерского класса. В 1912 году, после окончания консерватории, Штейман получил заграничную командировку для усовершенствования. А в 1927 году Михаил Осипович считался в Западной Европе одним из самых опытных дирижеров и проводил концерты в крупнейших оперных театрах. Он дирижировал в Париже и Лондоне, Берлине и Вене, Праге и Будапеште, Милане, Мадриде, Барселоне, Брюсселе, Амстердаме, Дрездене и многих других городах. В течение пяти лет Штейман работал над всеми спектаклями, в которых участвовал Федор Иванович Шаляпин.

Последние годы своей жизни Михаил Осипович жил в Новосибирске. Здесь он и написал свои воспоминания о великом певце, которые со временем затерялись и были обнаружены совсем недавно.

Еще в 1948 году эта рукопись была возвращена Штейману из Кабинета музыкального театра Всесоюзного театрального общества профессором И. Ф. Бэлза. В своем отзыве он писал:

«...опубликование воспоминаний Михаила Осиповича Штеймана».

